

Это окна землянок. Сгрудились землянки так тесно, что деревня из 50 дворов занимает два с половиной денюма.

Я вошел в одну из таких деревень. Три женщины добывали из колодца воду. В придорожной канаве, учащенно дыша и высунув длинный красный язык, развалилась тощая собака.

Колодцы здесь очень глубокие. Как и везде в пустыне, на глубине двух метров здесь воды нет. Не очень-то легко доставать воду с глубины 50—60 метров! А о насосах говорить не приходится. Над колодцем прикрепляется колесо. К нему привязана длинная веревка, на конце которой висит кожаная бадья (жестяные и деревянные бадьи с водой слишком тяжелы). Бадью опускают в колодец. Когда она наполняется, женщина начинает тянуть перекинутую через плечо веревку, шаг за шагом отходя от колодца. Бадья поднимается. Когда она уже наверху, женщина созывает других, идущих за водой, и они разливают воду по ведрям. Потом все начинается сначала. Ни в одной деревне я не видел свободного колодца. Всюду возле колодцев толпились женщины, согнувшиеся в три погибели, прилагающие нечеловеческие усилия, чтобы добыть немного воды из самого чрева земли.

В некоторых деревнях вместо женщин использовали лошадей. Две лошади могут обеспечить водой всю деревню. Хоть бы во всех деревнях додумались до этого нехитрого решения!

Я принялся разглядывать женщин у колодца. На

головах у них были разноцветные хотозы² высотой в 50 сантиметров. Светлые трехцветные юбки подпоясаны вышитыми кушаками. По их лицам стекал обильный пот. Одно мне особенно бросилось в глаза: верхние губы у всех были или черными, или фиолетовыми. Я даже не сразу понял, что это татуировка. Потом я не раз видел женщин с татуированными лицами. И тела их, как ковры, были украшены этой своеобразной вышивкой. Татуировка так же, как лошадь, газель, верблюд и чертополох, — родное дитя пустыни.

— Тетушки, есть ли кто-нибудь в этой деревне? — обратился я к женщинам.

Меня не поняли. Я спросил по-курдски — опять не поняли. Одна из них позвала кого-то. Из землянки показался высокий и худой юноша лет двадцати, с темными глазами газели и черными усами.

Я заговорил с ним по-турецки.

— Чья это деревня?

Он не ответил.

Я обратился по-курдски. Юноша ответил на ломаном курдском языке.

— Халиль-аги.

— Вы ипольщики?

— Да.

В красивых доверчивых глазах стояла тоска загнанного арабского скакуна. Когда разговор зашел

² Хотоз — женский головной убор, похожий на кокошник.

НОВЫЙ ФИЛЬМ

ОДНАЖДЫ утром из рыбацкого порта на юге японских островов вышло небольшое судно «Кайин-мару». Оно держало курс на соседний остров. Экипаж состоял из капитана Каmegоро, его племянника Санкачи, грузчика Хачизо и женщины-матроса Гороске.

Однако к вечеру небо покрылось темными тучами, началась буря. Миновала ужасная ночь, но буря не утихла. Так прошло пять дней. Замолк мотор, сломался руль. Судно не может двигаться дальше. К тому же пропала почти вся еда. Капитан Каmegоро решил взять под контроль весь остаток провианта и приказал экипажу ограничиться рисовой размазней...

Так начинается японский художественный фильм «Человек». Его автор — сценарист и режиссер Ка-

о земле, глаза как бы подернулись дымкой, а лицо приняло вдруг хищное выражение.

— Халиль-аги, — тихо повторил он и повел меня за собой. Остановившись перед одной из землянок, он с почтением пригласил меня войти. Я вошел. На полу не было ни мешковины, ни циновки. Прямо на земле сидело два человека. Увидев меня, они тотчас подобрали ноги под себя. В землянке было темно и смрадно. Пахло чем-то кислым. Повсюду, как пчелы в ульях, гудели мухи.

— Чья это деревня? — обратился я к крестьянам.

— Наша.

Мой собеседник выглядел лет на сорок. Он тоже был красив.

— Это неправда. Она не ваша.

— Наша.

— Не ваша.

— Наша!

Крестьянин уперся на своем.

— Хорошо, допустим, ваша. А сколько у тебя де-
нюмов земли?

Бедняга смешался. Ему не хотелось врать. Я за-
стал его врасплох.

— Два, — наконец выдал он, — а что тебе до
моей земли?

В разговор вмешался пожилой крестьянин.

— Мы довольны нашим жильем и нашей землей. Вы в чужие дела не вмешивайтесь. Как жили, так и будем жить. Мы всем довольны и ничего другого не хотим. Так и напиши правительству. И передай

ему привет. Пусть процветает. Да не покарает тебя аллах за твои вопросы.

Я понял, что завел разговор на болезную тему и что больше мне не вытянуть из них ни слова. Видно было, что они сильно перепугались.

Тот же юноша пошел провожать меня. Внезапно он рассмеялся.

— О чем это ты? — спросил я.

— Наш ага купил себе трактор и комбайн, — пояснил он, — а крестьян с земли не прогнал. Поэтому они так боятся говорить о нем. Иначе он может прогнать. А куда нам идти со своего родного места?

Действительно, куда им идти?

* * *

Я в последний раз посмотрел на деревню.

В здешних местах нет кладбищ, как в деревнях Центральной Анатолии. Там первое, что ты видишь, — это утопающее в зелени старое, печальное кладбище. Здесь совсем иная картина. Кругом нет ни дерева, ни кустика, ни птицы, ни насекомого, ни даже змеи. Точно все вымерло.

Неужели они всегда под землей, эти крестьяне, которые только что говорили, что довольны жизнью?

Пустыня — враг всего живого, неужели ты взрастила этих красивых людей?

Или это только мираж?

*Перевела с турецкого
Людмила Дудина*

КАНЕТО СИНДО

Кането Синдо — известен кинозрителям всего мира как создатель фильма «Голый остров», завоевавшего первую премию на Московском международном кинофестивале.

Главные роли в фильме играют известные киноактеры Тайджи Тонояма (Камегоро) и Нобуко Отова (Гороске), снимавшиеся в «Голом острове».

Центральная тема фильма — извечная борьба добра и зла в человеческой душе. Герои картины проходят через тяжелые испытания и трагически гибнут.

Верность суровой, неприкрытой жизненной правде, умение проникать в глубины внутреннего мира простого человека — характерные черты творчества Кането Синдо — ярко проявились и в фильме «Человек».

